

УСТАНОВЛЕНИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ СССР СО СТРАНАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

А. А. Шевяков

В 1974 г. исполнилось 40 лет с тех пор, как Советское государство установило дипломатические отношения с группой буржуазных государств Центральной и Юго-Восточной Европы — Венгрией, Чехословакией, Румынией, Болгарией и Албанией. Это событие явилось значительным вкладом в борьбу миролюбивых сил Европы с нараставшей угрозой фашистской агрессии. К сожалению, этот вопрос в советской литературе, по существу, не был освещен. В «Истории внешней политики СССР» (Ч. I. М. 1966), «Истории Чехословакии» (Т. III. М. 1960) и «Истории Венгрии» (Т. III. М. 1972) авторы ограничились лишь констатацией факта установления дипломатических отношений между СССР и странами Центральной и Юго-Восточной Европы. Нормализация советско-болгарских и советско-румынских отношений получила в какой-то мере свое отражение только в «Истории Болгарии» (Т. II. М. 1955) и в «Истории Румынии. 1918—1970» (М. 1971). Вопросы об установлении советско-румынских отношений касались также Я. М. Копанский и И. Э. Левит в своей книге и А. А. Язькова в специальной статье¹. Некоторые сведения об установлении дипломатических отношений между СССР и Чехословакией содержатся в монографии И. А. Петерса². Однако эти работы были опубликованы до выхода в свет томов XVI и XVII публикации «Документов внешней политики СССР», содержащей много официального материала, посвященного нормализации отношений Советского Союза со странами Центральной и Юго-Восточной Европы. Именно отсутствие необходимой источниковой базы и тормозило всестороннее исследование проблемы.

Основываясь на недавно опубликованных документах Советского правительства³, представляющих исключительную ценность, а также на отдельных исследованиях советских⁴ и зарубежных историков⁵, автор делает попытку осветить усилия Советского государства по нормализации отношений со странами Центральной и Юго-Восточной Европы, показать важность этого исторического события для дела

¹ Я. М. Копанский, И. Э. Левит. Советско-румынские отношения (1929—1934). М. 1971; А. А. Язькова. Установление дипломатических отношений между Советским Союзом и Румынией в 1934 г. «Новая и новейшая история», 1964, № 6.

² И. А. Петерс. Чехословацко-советские отношения. 1918—1934. Киев. 1965.

³ «Документы внешней политики СССР» (далее — ДВП СССР). Т. XVI. М. 1970; т. XVII. М. 1971.

⁴ А. А. Язькова. Румыния накануне второй мировой войны. М. 1963; И. А. Петерс. Указ. соч.; В. К. Волков. Германо-югославские отношения и развал Малой Антанты. 1933—1938. М. 1966; Н. И. Лебедев. «Железная гвардия», Кароль II и Гитлер. М. 1968; Я. М. Копанский, И. Э. Левит. Указ. соч., и др.

⁵ V. Kral. Spojenectví Československo-sovětské v evropské politice. 1935—1939. Praha. 1970; Ion M. Oprea. Nicolae Titulescu. Bucureşti. 1966; E. Campus. Mica înfelegere. Bucureşti. 1968; C. Popişteanu. România şi Antanta Balanică. Bucureşti. 1968 e. a.

мира в Европе, выявить классовую сущность продолжавшегося до 1934 г. нежелания правящих кругов указанных стран установить дипломатические отношения с Советским Союзом.

Ведущие капиталистические государства Европы: Англия, Франция и Италия, под влиянием которых находилась большая часть стран Центральной и Юго-Восточной Европы, юридически признали Страну Советов, как известно, еще в 1924 году. Тогда же с СССР установили дипломатические отношения Австрия, Греция, Швеция, Норвегия и Дания. В январе 1925 г. были нормализованы советско-японские отношения. Эти дипломатические акции явились новым и важнейшим после установления советско-германских отношений поворотным моментом в отношениях капиталистического мира с Советским государством.

Под воздействием исторического момента, выразившегося в полсе признаний Советской страны, в 1924 г. сделали попытки нормализовать свои отношения с СССР также Албания и Венгрия. Между правительствами СССР и Албании состоялся обмен нотами по этому вопросу. Но из-за внутренних событий (государственный переворот) в Албании и давления на нее внешних сил правящие круги этой страны отказались от решения нормализовать отношения с Советским государством. 5 сентября 1924 г. было подписано соглашение об установлении дипломатических и консульских отношений между СССР и Венгрией, однако и оно не вошло в силу. Венгерское правительство под давлением наиболее реакционных кругов во главе с регентом Хорти, а также Англии и США отказалось от ратификации соглашения. Хотя советско-венгерские и советско-албанские дипломатические отношения тогда не были установлены, уже сама постановка этого вопроса со стороны правительств Венгрии и Албании говорила о том, что в их правящих кругах шла острая борьба вокруг проблемы отношений к Советскому Союзу.

На откровенно враждебных позициях по отношению к Советскому Союзу из стран Центральной и Юго-Восточной Европы в рассматриваемый период продолжали оставаться Чехословакия, Румыния, Югославия и Болгария. Однако Советское правительство в целях расширения фронта мира делало все необходимое, чтобы нормализовать государственно-политические отношения с этими странами. В достижении этой задачи оно не видело непреодолимых препятствий, особенно если иметь в виду такие государства, как Чехословакия, Болгария и Югославия, не имевшие с СССР спорных территориальных вопросов и других острых нерешенных проблем. О желании установить дипломатические отношения с Чехословакией и Болгарией Советское правительство заявляло неоднократно. В целях нормализации отношений устанавливались контакты и организовывались официальные встречи советских дипломатических представителей с представителями королевской Румынии. В этом плане особое значение имеют советско-румынская конференция в Вене в 1924 г. по урегулированию бессарабского вопроса (конференция окончилась безрезультатно), переговоры о заключении советско-румынского договора о ненападении, а также приглашение в 1929 г. Румынии и Чехословакии подписать Московский протокол о досрочном введении в действие пакта Бриана-Келлога. По инициативе Советского Союза Румыния, Чехословакия и Югославия в 1933 г. подписали Лондонскую конвенцию об определении агрессии. Нельзя отрицать того, что два последних фактора сыграли положительную роль в смягчении отношений между Советским Союзом, с одной стороны, и отдельными странами Центральной и Юго-Восточной Европы — с другой. Но этого было далеко не достаточно для установления истинного взаимопонимания между обеими сторонами.

Насущная проблема нормализации отношений стран Центральной и Юго-Восточной Европы с Советским Союзом оставалась нерешен-

ной из-за выжидательной политики правящей верхушки этих стран. Империалистические круги ведущих держав Западной Европы, несмотря на нормализацию их отношений с СССР, в большинстве своем считали выгодной консервацию враждебности к СССР со стороны государств, расположенных вблизи его западных границ. Между тем международная обстановка в начале 30-х годов существенно изменилась.

Капиталистический мир находился в то время в состоянии глубокого экономического кризиса, который остро ощущался и в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. В Германии к власти пришли фашисты, во внешнеполитических планах которых немаловажное место занимали экспансионистские акции в отношении указанных стран. В этих условиях успехи первого в мире социалистического государства, экономика которого не была подвержена кризисам и успешно развивалась, привели к росту его экономического и оборонного могущества, высоко подняли его международный авторитет.

В то время, когда империалистические круги Запада начали лихорадочную подготовку к новой войне в целях передела мира и сфер влияния, Советский Союз продолжал упорную борьбу за предотвращение войны. В новой международной ситуации, сложившейся на европейском континенте, последовательная миролюбивая политика Советского государства привлекла внимание всех стран, которые не были заинтересованы по тем или иным причинам в развязывании войны в Европе. Наличие таких государств Советское правительство рассматривало как один из факторов, благоприятных для дела мира, и стремилось использовать малейшие их устремления, направленные к поддержанию европейской стабильности. Под воздействием роста военно-экономического могущества и внешнеполитического престижа Советской державы, укрепления ее связей с рядом капиталистических государств (например, с США), активизации реваншистских сил, угрожавших независимости стран Центральной и Восточной Европы, заметно изменяется отношение к Советскому Союзу правительств двух членов Малой Антанты — Чехословакии и Румынии, а также Венгрии и Болгарии.

В связи с неоднократными предложениями Советского правительства нормализовать отношения первой начала переговоры с СССР Чехословакия. В беседе с Советским представителем в Праге А. Я. Аросевым министр иностранных дел Э. Бенеш 7 марта 1933 г. выразил желание чехословацкого правительства установить с Советским Союзом нормальные отношения и подписать пакт о ненападении. Такое намерение, по его словам, имели и другие члены Малой Антанты⁶, хотя в действительности ни Чехословакия, ни Румыния, ни Югославия не спешили с решением этого вопроса. Но нежелательное для Малой Антанты развитие мировых событий (заключение пакта четырех), а также определенный прогресс в советско-французских и советско-польских отношениях толкали тогдашних правителей Румынии и Чехословакии на новые попытки сближения с Советским Союзом. Оставаясь на позициях антикоммунизма, они все же видели в СССР, последовательно проводившем миролюбивую политику и негативно относившемся к пакту четырех, серьезную опору в борьбе против перекраивания карты Европы и, в частности, против пересмотра установленных мирными договорами границ. В этом вопросе интересы стран Малой Антанты и Советского Союза совпадали, поскольку Советское правительство исходило из того, что даже «мирная» ревизия послевоенных границ неизбежно приведет к новой войне.

Очередной раунд поисков путей сближения с СССР со стороны Э. Бенеша и Н. Титулеску наступил в середине июня 1933 г., во время

⁶ ДВП СССР. Т. XVI, док. 66.

работы Лондонской международной экономической конференции. «Учитывая общее положение,— телеграфировал М. М. Литвинов из Лондона 16 июня,— Бенеш желал бы сблизить Малую Антанту с нами, принимая во внимание также наше сближение с Францией и Польшей». Но свое желание найти взаимопонимание с СССР чехословацкий министр в полном согласии с Титулеску обставил частоколом оговорок о необходимости «одновременного разрешения всех спорных вопросов со странами Малой Антанты (само собой разумеется, в пользу последних.— А. Ш.), в том числе и вопроса о Бессарабии»⁷. В силу этого и на сей раз дело нормализации советско-чехословацких и румыно-советских отношений не продвинулось дальше постановки вопроса. Румынию не смущало и положение, при котором она после 1925 г. осталась единственным соседом СССР, не имевшим с ним дипломатических отношений.

Между тем события и дальше развивались совсем не так, как предполагали правящие круги Румынии и Чехословакии. На заявление в конце 1933 г. чехословацких дипломатов о том, что установление дипломатических отношений с СССР возможно только одновременно тремя членами Малой Антанты, представитель Советского правительства в Праге С. С. Александровский ответил: «Было время, когда СССР был крайне заинтересован в нормализации взаимоотношений (со странами Малой Антанты.— А. Ш.). Но это время прошло. Советское правительство может спокойно ждать, как ждало 15 лет. Но будет ли это выгодным для Чехословакии и ее внешнеполитического положения в период, когда на всех ее рубежах нависла угроза пересмотра границ, установленных мирными договорами,— это весьма существенный вопрос»⁸.

Стремясь развязать себе руки для подготовки войны, гитлеровская Германия 14 октября 1933 г. покинула Международную конференцию по разоружению, а через пять дней вышла из Лиги наций. 6 декабря, преследуя ту же цель, заявила о выходе из Лиги наций «притеснявшаяся» империалистическими соперниками Италия. Проклятия в адрес жевневской «покровительницы» мира, посыпавшиеся из уст правителей двух фашистских держав, начали серьезно беспокоить народы Европы. Создававшаяся ситуация вызвала определенную тревогу как у руководителей Франции и Польши, так и у лидеров Малой Антанты.

Растущая роль СССР в общеевропейской политике, решительный шаг США — ведущей державы капиталистического мира — в сторону нормализации отношений с Советским государством помогли наконец буржуазным политикам стран Центральной и Юго-Восточной Европы осознать всю нелепость своей позиции в отношении Советского Союза. О крупном значении факта установления советско-американских дипломатических отношений довольно убедительно говорила и реакция румынской буржуазной прессы. Последняя была вынуждена отметить, что за событиями, связанными с заключением соглашения между СССР и США, с огромным интересом следят в политических и дипломатических кругах. «Нельзя сомневаться в громадном значении акта признания Советского Союза Соединенными Штатами»⁹, — писала представительная румынская «беспартийная» газета «Universul». Советско-американское соглашение, писала «Dreptatea», ведущий национал-царанистский орган, является одним из самых важных дипломатических актов после мировой войны¹⁰. Значение нормализации советско-американских отношений еще более подчеркивала чехословацкая пресса. В пражских газетах началась форменная кампания за нормализацию отношений с

⁷ Там же, стр. 842.

⁸ V. Kral. Op. cit., str. 23.

⁹ «Universul» 23.XI.1933.

¹⁰ «Dreptatea», 23.XI.1933.

СССР (в румынской буржуазной прессе этого не замечалось). «Признание СССР Америкой,— писала «Národní osvobození»,— означает новое серьезное напоминание, что вопрос о признании СССР Чехословакией уже невозможно оттягивать»¹¹.

При решении вопроса о нормализации отношений с Советской страной правители Румынии и Чехословакии не могли не считаться и с усилившимся движением трудовых масс в защиту Советского Союза, против угрозы фашистской агрессии и войны. В Румынии активную роль в этом деле играли революционное подполье, а также легальные демократические организации — антивоенные и антифашистские комитеты с их печатными органами. С наименьшей интенсивностью вели наступление на позиции противников сотрудничества с СССР демократические силы Чехословакии во главе с коммунистами. Они требовали незамедлительно решить вопрос о нормализации чехословацко-советских отношений¹². Давление на правительство осуществлялось и со стороны промышленных кругов, заинтересованных в советских заказах или сырье. Именно этим была вызвана 7 февраля 1934 г. постановка Бенешем вопроса о заключении советско-чехословацкого торгового договора еще до установления дипломатических отношений¹³.

Фактором укрепления мира, толкавшим на реалистический путь буржуазных правителей стран Центральной и Юго-Восточной Европы, были усилия Советского правительства в деле достижения соглашений о продлении пактов о ненападении с западными соседями — Латвией, Литвой, Эстонией, Финляндией и Польшей. Эта акция советской дипломатии существенно усиливала политические и военно-стратегические позиции Советского государства в обширном районе, считавшемся до этого одним из наиболее надежных регионов для антисоветских акций империализма.

Под воздействием международных факторов пришлось и Венгрии снова начать переговоры с СССР. Эта проблема встала в Будапеште в начале января 1934 года. Внимательное изучение советской действительности, как признавал венгерский посланник в Анкаре М. Юнгерт-Арноти в беседе с советским полпредом, привело его и венгерские правящие круги к убеждению в необходимости нормализации отношений с Советским Союзом¹⁴. Советско-венгерские переговоры в силу заинтересованности в них и итальянского правительства проходили в Риме. От имени Советского правительства их вел полпред СССР в Италии В. П. Потемкин, от имени Венгрии — Юнгерт-Арноти, выступивший в качестве специального уполномоченного своего правительства. Переговоры заняли всего 7 дней (с 27 января по 3 февраля), хотя со стороны Будапешта имели место попытки осложнить их разного рода оговорками. Но с помощью итальянского правительства эти помехи удалось быстро нейтрализовать¹⁵. «Правительство Союза Советских Социалистических Республик,— говорилось в советской ноте от 4 февраля 1934 г.,— решило установить с момента настоящего обмена нотами нормальные дипломатические и консульские отношения с королевством Венгрии и учредить в нем дипломатическое представительство. Правительство СССР питает твердую надежду, что такое установление отношений между нашими народами будет способствовать поддержанию дружественных связей между ними и делу всеобщего мира»¹⁶. Идентичной по содержанию была нота венгерского правительства. Обмен нотами был произведен 6 февраля в полпредстве СССР в Италии.

¹¹ «Národní osvobození», 20.XI.1933.

¹² «Известия», 30.XI.1933.

¹³ ДВП СССР. Т. XVII, док. 48.

¹⁴ Там же, док. 12.

¹⁵ Там же, док. 27.

¹⁶ Там же, док. 41.

Менее чем через два с половиной месяца (в начале апреля) посланники обеих стран уже вручили свои верительные грамоты. Полпредом СССР в Венгрии временно стал А. М. Петровский — советский полпред в Австрии, венгерским посланником в Москве — Юнгерт-Арноти. Приезд советской дипломатической миссии в Будапешт явился подлинной сенсацией. Все газеты посвящали ему много места, причем такие наиболее солидные органы, как «Pester Lloyd», «Pesti Napló», «Magyarság» и др., выступали вполне корректно. Явно враждебно вела себя только клерикальная пресса, выдумывая всякие небылицы и предупреждая советских дипломатов о недопустимости ведения коммунистической пропаганды и т. д. Все свидетельствовало о большом интересе и симпатиях к СССР широких кругов населения¹⁷. Оформив свой юридический статут при венгерском правительстве, советский полпред имел несколько деловых встреч с премьер-министром Д. Гембешем, министром иностранных дел К. Канья и другими официальными лицами. Правительство Венгрии особенно интересовало перспектива торговых связей¹⁸. Необходимость налаживания торговых отношений с СССР была темой бесед советского представителя со многими другими ответственными деятелями Венгрии.

Большой интерес к организации советского полпредства в Будапеште проявляли иностранные дипломатические миссии, особенно тех стран, у которых с Советским Союзом были налажены межгосударственные отношения¹⁹. В Европе, разумеется, имелись и такие страны, правители которых были серьезно обеспокоены нормализацией советско-венгерских отношений. В их числе была в первую очередь Румыния. Ее правители понимали, что Венгрия, опередив Румынию в установлении отношений с Советским государством, усилила свои международные позиции, что шло вразрез с планами Бухареста. Таким образом, нормализация отношений между СССР и Венгрией оказала соответствующее влияние на позицию правящих кругов Румынии, как и Чехословакии.

Румынские политики демонстрировали свое желание установить дружественные отношения с СССР еще в 1933 году. Будучи в октябре этого года с официальным визитом в Польше, Титулеску заявил польским и иностранным журналистам, что «Румыния стремится сделать все возможное, чтобы ее отношения с СССР приобрели подлинно сердечный характер»²⁰. «Дружелюбие» ответственных румынских кругов по отношению к СССР Титулеску широко демонстрировал в середине октября во время своего официального визита в Анкару²¹. Но это было всего лишь отвлекающим маневром, рассчитанным на то, чтобы успокоить румынскую общественность и сдержать реваншистские силы за рубежом. Подобные приемы практиковал и партнер Титулеску — Бенеш.

Внешнеполитический курс Гитлера предвещал усиление германской агрессии. Это вело к отрезвлению руководителей отдельных государств Малой Антанты. «Бенеш, — по словам известного чехословацкого историка В. Краля, — несмотря на свои антисоветские настроения, хорошо понимал, что если СССР не встанет на пути сил, стремящихся к насильственному изменению границ в Европе, то ее ожидают крупные политические потрясения»²². Однако и в этой обстановке в решении проблемы нормализации своих отношений с СССР правительства Румынии и Чехословакии проявляли невероятную медлительность.

¹⁷ Там же, док. 131.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ «Известия», 12.X.1933.

²¹ Nicolae Titulescu. Documente diplomatice (далее — Documente diplomatice). București. 1967, doc. 298.

²² V. Král. Op. cit., str. 17.

И это делалось опять же не без надежды на то, что США, Англия и даже Франция изменят свое отношение к Советской стране, и она окажется в международной изоляции, о чем мечтали деятели Малой Антанты. «В случае советско-румынского вооруженного конфликта, — заверял Бенеш румынское правительство в декабре 1933 г., — Чехословакия и ее армия выступят на стороне Румынии, против СССР»²³. Но время работало на СССР. Об этом говорили не только мировые события, но и выступления чехословацкой буржуазной прессы. «Не Россия, — писала «Бразда», — должна определить свое отношение к нам, а мы к ней. Государство с 160 миллионами населения не нуждается в нас. Но оно, без сомнения, будет нужно нам, если снова наступят времена, когда под нажимом обстановки в Центральной Европе мы вынуждены будем искать поддержку на Востоке»²⁴.

Итак, международная обстановка подводила страны Малой Антанты вплотную к необходимости серьезного, неформального поиска путей и средств нормализации отношений с Советским Союзом. Этому в значительной степени содействовала также позиция Франции, стремившейся наладить союзнические отношения с СССР и сохранить существовавшую в Восточной и Юго-Восточной Европе систему союзов. В силу этого Париж проявлял большую заинтересованность в том, чтобы и страны Малой Антанты во взаимоотношениях с СССР шли по тому же пути. Именно благодаря этим факторам вопрос о нормализации отношений с СССР был предметом специального рассмотрения на январской (1934 г.) сессии Постоянного Совета Малой Антанты в Загребе (Югославия). В решении Совета указывалось, что «три государства Малой Антанты восстановят нормальные дипломатические отношения с СССР, как только будут налицо политические и дипломатические условия, отвечающие интересам каждой из трех стран»²⁵. Данное решение было, несомненно, сдвигом во внешнеполитическом курсе этих стран. Однако выработанная ими формула постановления была полна неопределенности, что свидетельствовало о серьезных разногласиях между ними.

Разногласия эти определялись существенными различиями во внешнеполитических целях участников Малой Антанты. Румынские правители, например, полагая, что СССР больше заинтересован в нормализации отношений, чем Румыния, надеялись использовать этот дипломатический шаг в целях вымогательства у советской стороны территориальных и других уступок. Только этим можно объяснить особую позицию Титулеску на январской сессии Постоянного совета Малой Антанты при обсуждении вопроса об установлении дипломатических отношений с СССР²⁶.

Добиваясь встречи с советским Наркомом иностранных дел, Титулеску в беседе с нашим полпредом в Греции Я. Х. Давтяном 15 февраля клялся в «добрых» чувствах к СССР, к целям его внешней политики²⁷. Однако с усилением германского влияния в Бухаресте после убийства гитлеровскими агентами румынского премьер-министра И. Дуки «просоветские» чувства Титулеску испарились. Вот почему уже через два месяца после беседы с Давтяном при встрече (11 апреля 1934 г.) с другим советским дипломатом, Б. Е. Штейном (имевшей место в Женева), румынский министр заявил, что «он хочет знать, может ли» СССР стать другом Румынии, а если да, то «для этого нужно заранее устранить спорные вопросы», что в понимании румынского политика означало согласиться с осуществленными в 1918 г. Румынией захватами. Свои

²³ Ibid., str. 24.

²⁴ Цит. по: Ibid., str. 23.

²⁵ Documente diplomatice, doc. 303

²⁶ Ibid.

²⁷ ДВП СССР. Т. XVII, док. 57.

требования Титулеску аргументировал тем, что «за восстановление отношений (с Москвой) его будут ругать правые» (профашистские круги двора и армии.— *А. Ш.*), а поэтому «он должен иметь возможность сказать, что он пошел на большой и стоящий акт, а не просто подписал... формальную бумажку»²⁸. Тенденция не спешить с нормализацией отношений с СССР и искать пути сближения с Германией довольно ясно улавливается и из сообщений румынского посланника в Берлине Н. Петреску-Комнена. 7 февраля он доносил своему правительству, что усилившаяся в последнее время в Румынии деятельность пронацистских элементов создала у Гитлера «уверенность в том, что Румыния станет первой страной, которая в своей внутренней политике пойдет за Германией и сблизится с ней в области внешней политики»²⁹.

Советское правительство в противоположность Бухаресту стояло за неотложное решение проблемы нормализации своих отношений с Румынией, равно как с другими членами Малой Антанты, поскольку этого требовала международная обстановка. Румынское правительство могло бы найти более короткий путь решения этого вопроса, не ожидая встречи на уровне Литвинов — Титулеску. Но король, дворцовые круги не желали пересматривать догмы антисоветизма, свою восточную политику и продолжали лавировать. Да и сам Титулеску, добиваясь уступок советской стороны, ссылаясь на позицию этих сил при выдвижении своих оговорок или оттяжке установления нормальных отношений с Советским государством.

Из стран Малой Антанты более или менее явное стремление установить нормальные дипломатические отношения с СССР проявляла лишь Чехословакия в силу резко ухудшавшегося ее международного положения. В стране нарастало общественное движение за ускорение установления официальных отношений с СССР. «Внешнеполитически,— доносил С. С. Александровский в Москву 27 января,— безусловно, произошел радикальный перелом по отношению к нам. Наше полпредство не только не находится больше в изоляции, но, наоборот, стало предметом прямых вождедений со стороны таких лиц и кругов, которые еще недавно далеко обходили наше полпредство и какую бы то ни было связь с ним»³⁰. Однако в политических кругах Чехословакии параллельно с курсом на нормализацию советско-чехословацких отношений существовала и сильная тенденция обеспечить «безопасность» страны путем примирения с реваншистскими государствами. Отчетливой демонстрацией в этом направлении было заявление Бенеша корреспонденту французской газеты «Paris Soir» в связи с подписанием в середине марта 1934 г. «римских протоколов» — политических и экономических соглашений между Италией, Австрией и Венгрией. «Для нас (Чехословакии.— *А. Ш.*) самое основное,— декларировал чехословацкий министр,— достигнуть взаимопонимания с Австрией и Венгрией. Очень важно добиться соглашения между дунайскими странами, притом такого соглашения, в котором вместе с Римом и Парижем также хорошо могли бы участвовать и Берлин и Малая Антанта»³¹. Месяцем позже аналогичное мнение Бенеш высказал в конфиденциальной беседе с президентом Франции А. Лебреном, заявив последнему, что он «предпочитает Германию Италии»³².

Двойственность внешнеполитического курса привела чехословацких буржуазных политиков к ошибочному мнению: они считали, что «признанием де-юре они сделают СССР громадное одолжение, за кото-

²⁸ Там же, стр. 792.

²⁹ I. Chișer. Relațiile româno-germane în 1933. «Studii», 1968, № 4, p. 733.

³⁰ ДВП СССР. Т. XVII, док. 33.

³¹ «Universul», 6.IV.1934.

³² ДВП СССР. Т. XVII, док. 132.

рое можно потребовать прилично заплатить»³³. Исходя из этих посылок, правители Чехословакии явно рассчитывали на то, что СССР за чехословацкое «благородство» должен внести компенсацию, в первую очередь, конечно, в экономической области. Господствовало даже убеждение, что после установления с Советским государством отношений де-юре с его стороны тут же посыплются заказы чехословацкой промышленности³⁴. Но Советское правительство заявило Бенешу, что Москва за установление Чехословакией отношений с СССР ничем платить не хочет и не станет³⁵. Все расчеты на такую «плату» провалились, когда Советское правительство заявило о своем отказе заключить торговый договор с Чехословакией до нормализации в полном объеме дипломатических отношений³⁶.

Проявлявшаяся со стороны лидеров Малой Антанты медлительность и «осторожность» в деле нормализации дипломатических отношений с Советским Союзом определялась и целями их балканской политики. Румыния и Югославия в период практической постановки вопроса о нормализации отношений с Советским Союзом вели активную деятельность по сколачиванию Балканского альянса, официальное оформление которого состоялось в Афинах 9 февраля 1934 года. Этот союз, в котором объединились Румыния, Югославия, Турция и Греция, был направлен не только против намерений определенных сил нарушить версальскую систему, но и против Советского государства³⁷, поскольку он укреплял румынские позиции на Днестре. Чтобы в какой-то мере нейтрализовать этот антисоветский нюанс афинского пакта, Советское правительство советовало Турции — будущему его участнику, находившемуся в дружественных отношениях с СССР, — «присоединить к пакту письменное заявление, что ни в каком случае Турция не будет считать себя обязанной принимать участие в каких-либо действиях, направленных против СССР»³⁸. Турецкое правительство, понимая значимость советской дружбы для укрепления международных позиций своей страны, вняло этому совету и при подписании Балканского пакта сделало письменную оговорку в духе советских пожеланий³⁹.

Однако турецкая оговорка не могла изменить отрицательного отношения советских руководителей к пакту в целом. 14 февраля в беседе с греческим министром иностранных дел Максимосом полпред СССР в Афинах Давтян заявил: «Отношение Советского правительства к пакту продолжает оставаться весьма скептическим. Если мы не возражали против подписания пакта, это не означает, что мы его одобряем. Участие Турции в ее декларациях ограждает наши интересы, но мы продолжаем расценивать пакт отрицательно с точки зрения интересов общего мира и умиротворения Балкан»⁴⁰. Попытки оживить систему послеверсальских союзов, на что были направлены и Организационный пакт Малой Антанты и соглашение об организации Балканского союза, не могли обеспечить подлинной защиты национальных интересов стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Силы империализма и реваншизма можно было сдерживать только организацией широкого фронта мира с участием Советского Союза, военно-экономическая мощь которого была главным препятствием для германских и иных агрессоров.

Чехословацкие и румынские политики, однако, продолжали питать надежды на то, что непоколебимость существующего европейского

³³ Там же, док. 33.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же, док. 83.

³⁶ Там же, док. 78.

³⁷ Там же, стр. 767.

³⁸ Там же.

³⁹ Documente diplomatice, doc. 305.

⁴⁰ ДВП СССР. Т. XVII, док. 56.

статус-кво зависит от твердости политики Франции⁴¹. Но дальнейшее развитие международных событий явно опровергало эти иллюзии. Титулеску и Бенешу приходилось снова направлять свои взоры в сторону Москвы. О необходимости этого свидетельствовал, в частности, визит румынского министра иностранных дел в Париж, где он имел встречи со всеми ведущими лидерами Франции — президентом А. Лебреном, премьер-министром Г. Думергом, министром иностранных дел Л. Барту, военным министром Ф. Петэном, такими политическими деятелями, как Э. Эррио, А. Тардые и П. Лаваль⁴². К своему удивлению, Титулеску нашел, что все они, даже Петэн и японофил Тардые, выступают за сближение с СССР⁴³. Настроения руководителей Франции возыме-ли, наконец, определенное воздействие на румынского политика. При встрече с поверенным в делах СССР в Париже М. И. Розенбергом (18, 19 и 21 апреля) и он выразил заметную «страсть» к соглашению с Советским Союзом. Но чтобы не выглядеть в вопросах восточной политики белой вороной в глазах своих бухарестских коллег, он упросил французов заявить ему, что он должен идти на сближение с Москвой. В тайну этого дипломатического пируэта Титулеску посвятил Розенберга, и генеральный секретарь МИД Франции А. Леже подтвердил это⁴⁴.

Но позиция румынского правительства в деле нормализации отношений с СССР окончательно определилась только в конце мая — начале июня 1934 г., когда в Женеве состоялась встреча между наркомом иностранных дел Литвиновым и Титулеску. Переговоры носили напряженный характер, поскольку румынский министр фактически добивался территориальных уступок со стороны Советского Союза. «Титулеску, — отмечал М. М. Литвинов, — требовал обещания, что бессарабский вопрос никогда не будет нами поднят дипломатическим путем». В ответ на это нарком «предлагал сделать оговорку относительно спорных вопросов, остающихся открытыми». Но румынский дипломат, «жаждущий» дружбы с СССР, упорствовал. В конце концов обе стороны сошлись на том, чтобы «не делать никаких оговорок и не давать никаких обещаний друг другу» по спорным вопросам⁴⁵. Следовательно, Титулеску был готов «установить дружбу с СССР и ориентироваться на него во внешней политике»⁴⁶ не столько ради укрепления фронта мира в Европе, сколько в целях осуществления не дававшей ему покоя мечты — добиться согласия СССР на расширение Румынии за счет советских территорий. Литвинов решительно отверг эти домогательства.

В те же дни переговоры с Литвиновым вел Бенеш. Последний уже более конструктивно подходил к решению вопроса об установлении дипломатических отношений и не выдвигал осложняющих переговоры требований. И действительно, семичасовая беседа Литвинова с тремя министрами стран Малой Антанты, имевшая место 7 июня, воочию показала, что Чехословакия в отличие от Румынии шла теперь на установление дипломатических отношений с СССР без всяких оговорок и условий. А румынский министр и здесь, в Женеве, делал попытки оттянуть нормализацию советско-румынских отношений до очередной сессии совета Малой Антанты, которая должна была состояться в Бухаресте 18—20 июня. «Титулеску, — фиксировал Литвинов, — хотел отложить обмен писем о восстановлении отношений до Бухарестской конференции Малой Антанты в ожидании присоединения Югославии. Я настоял, однако, на обмене в Женеве же без Югославии»⁴⁷.

⁴¹ Там же, док. 132.

⁴² «Universul», 20.IV.1934.

⁴³ ДВП СССР. Т. XVII, док. 132; там же, стр. 792.

⁴⁴ Там же, док. 132.

⁴⁵ Там же, док. 218.

⁴⁶ Там же, док. 181.

⁴⁷ Там же, док. 218.

Ввиду этой румынской позиции и негативного отношения Югославии чехословацкий министр не без воздействия Барту, находившегося в то время в Женеве, решился на самостоятельные от своих партнеров действия, запросив Прагу о согласии на официальное установление отношений с СССР независимо от позиций других членов Малой Антанты. «Стремлюсь,— информировал чехословацкий министр свое правительство,— к единству действий с Румынией и Югославией, но нет еще ясности, договорится ли Титулеску с Литвиновым. В этом случае мы должны были бы выступить самостоятельно»⁴⁸. Президент и премьер-министр Чехословакии положительно отнеслись к предложению своего министра. После получения разрешения из Праги Бенеш 8 июня обратился к Титулеску с письмом, в котором указывалось: «Чехословацкое правительство больше не может откладывать нормализацию отношений с Россией»⁴⁹. В этом обращении чехословацкий министр подчеркивал, что хотя его акция и нарушает единство действий стран Малой Антанты, однако он «вынужден, учитывая совершенно новые обстоятельства в международной жизни, а также то, что на карту поставлены жизненные интересы его страны, при любых условиях урегулировать этот вопрос еще во время пребывания в Женеве»⁵⁰.

Полномочия на заключение соглашения об установлении советско-румынских отношений запросил у своего правительства и Титулеску. Не будучи уверенным в их получении, он, как всегда в острых ситуациях, пустил в ход испытанный метод — угрозу об отставке. Из Бухареста поступил положительный ответ, который Титулеску рассматривал как большую личную победу. Б. Ефтич же — югославский министр иностранных дел — на запрос об установлении советско-югославских дипломатических отношений получил от короля Александра I отрицательный ответ⁵¹. Это вносило явную дисгармонию в малоантантовский курс на нормализацию отношений с Советским государством. При невозможности сохранить единую линию Малой Антанты и в силу настоятельных, учитывавших сложившуюся международную обстановку, требований Литвинова не откладывать решение вопроса о нормализации двусторонних с СССР отношений Постоянный совет Малой Антанты, создавая иллюзию сохранения внутрисоюзнической солидарности, был вынужден 8 июня тут же в Женеве вынести постановление о том, что «политические и дипломатические условия позволяют ныне каждому из государств — членов Малой Антанты поступить в подходящий момент в согласии с резолюцией, принятой в Загребе»⁵², то есть самому решить вопрос о необходимости установления дипломатических отношений с Советским Союзом.

После этого постановления Титулеску настойчиво добивался у Литвинова согласия послать наркому уведомление о загребском и жевевском решениях совета Малой Антанты только за своей подписью, как председателя совета. Нарком, не желая иметь дело с Малой Антантой как политическим союзом и давать румынскому дипломату лишнюю возможность подчинять наступившие события только политическим выгодам королевской Румынии, отвел это предложение. Указанные решения Малой Антанты были сообщены Литвинову румынским и чехословацким министрами в индивидуальных письмах. Таким образом, усилия Советского правительства добиться одновременного установления дипломатических отношений со всеми тремя странами Малой Антанты не увенчались полным успехом. Договоренность о нормализации отноше-

⁴⁸ «Slovenský přehled», 1964, № 3, str. 192.

⁴⁹ «Внешняя политика Чехословакии 1918—1939». М. 1959, стр. 328—329.

⁵⁰ Там же, стр. 329.

⁵¹ ДВП СССР. Т. XVII, док. 190.

⁵² Там же, стр. 775.

ний с Чехословакией и Румынией была достигнута. Советско-югославские межгосударственные отношения были установлены лишь через несколько лет, в 1940 г., уже в период второй мировой войны. И в этом были повинны югославские правители, особенно король Александр I.

Окончательное согласование текстов и форм документов, которыми М. М. Литвинову предстояло обменяться с Н. Титулеску и Э. Бенешем, было сделано 9 июня на их утренней встрече в Женеве. Вечером того же дня в присутствии югославского министра иностранных дел, дипломатических представителей Советского Союза, Румынии, Чехословакии и Югославии состоялся обмен нотами об установлении дипломатических отношений между СССР и Румынией, между СССР и Чехословакией. Румынский министр иностранных дел, ссылаясь на решение загребской и женевской сессий Малой Антанты, а также на состоявшиеся между ним и Литвиновым переговоры, в своей ноте официально уведомлял наркома, что «Королевское Румынское Правительство решило установить нормальные дипломатические отношения с Правительством СССР и приступить к назначению Чрезвычайного Посланника и Полномочного Министра»⁵³. В ответ на румынскую ноту М. Литвинов сообщил Н. Титулеску о решении Советского правительства установить дипломатические отношения с Румынией и назначить Полномочного представителя. Ноты заключались идентичной фразой: «Я питаю твердое убеждение, что установленные таким образом отношения останутся навсегда нормальными и дружественными и что наши народы будут продолжать сотрудничать, к своему величайшему взаимному благу, в деле поддержания всеобщего мира»⁵⁴. Нотами подобного содержания обменялись также Э. Бенеш с М. М. Литвиновым⁵⁵.

Дополнительно к нотам Литвинов и Титулеску, а также Бенеш и Литвинов в тот же день обменялись текстуально идентичными письмами, в которых указывалось: «Правительства наших стран взаимно гарантируют полное уважение государственного суверенитета каждой из них и воздержание от всякого прямого или косвенного вмешательства во внутренние дела и в развитие другой стороны, и в частности от всякой агитации, пропаганды и всякого рода интервенций либо их поддержки»⁵⁶. Эти взаимные обязательства для советской стороны имели важное значение, поскольку Румыния, например, продолжала оставаться очагом формирования белогвардейских военных организаций, готовившихся к вооруженным вылазкам в районы Советской Украины. На территории Румынии находилось тогда немалое количество врангелевских солдат и офицеров. Материальное обеспечение они получали от румынской и международной буржуазии. Румынию продолжали навещать и отпрыски царской фамилии. Немало военных и невоенных белогвардейских формирований и организаций, готовившихся к антисоветским диверсиям и террористическим актам, действовало на территории Чехословакии⁵⁷.

Правительства СССР и Чехословакии в ходе женевских встреч договорились также отказаться от взаимных финансовых претензий, проистекавших из русско-чехословацких отношений времени кануна и периода Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны⁵⁸.

Ноты и письма, которыми обменялся советский нарком с министрами иностранных дел Румынии и Чехословакии, были опубликованы на

⁵³ «Documente diplomatice», doc. 315.

⁵⁴ ДВП СССР. Т. XVII, док. 193.

⁵⁵ Там же, док. 194.

⁵⁶ «Внешняя политика СССР (сборник документов)». Т. III. М. 1946, стр. 720—721.

⁵⁷ «История Чехословакии». Т. III., стр. 245.

⁵⁸ «Внешняя политика Чехословакии 1918—1939», стр. 329—330.

страницах центральных и местных органов советской печати. В комментариях газет установлению дипломатических отношений между Советским Союзом и двумя странами Малой Антанты давалась высокая оценка, и оно рассматривалось как «значительный вклад в арсенал средств, которыми будут располагать государства, борющиеся за всемерную отсрочку военной развязки»⁵⁹. Следовательно, определяющим во взаимоотношениях Советского государства с Румынией и Чехословакией, как и с другими странами этого региона, оставалась проблема поддержания мира в Европе.

Нормализацию отношений Чехословакии с СССР с особым одобрением встретил чехословацкий народ. Об этом свидетельствовали многочисленные собрания трудящихся, превратившиеся в манифестацию чехословацко-советской дружбы⁶⁰. Широкое и положительное освещение это событие получило на страницах подавляющей части газет, представлявших основные политические группировки Чехословакии. Установление дипломатических отношений с СССР благоприятно было воспринято и в Румынии. В официальном коммюнике, выпущенном в связи с этим важным для страны международным событием, и опубликованием текстов нот и писем Литвинова и Титулеску особо подчеркивалась значимость предпринятого правительством шага. В день установления советско-румынских отношений оно направило в Женеву на имя Титулеску поздравительную телеграмму⁶¹. При возвращении на родину на вокзале он был демонстративно встречен всеми членами правительства во главе с премьер-министром Г. Татареску. Все это должно было подчеркнуть единодушие королевского двора и правительства в вопросе нормализации советско-румынских отношений.

Румынские руководящие круги, равно как и чехословацкие, при всей их ненависти к Советскому государству не в силах уже были не считаться с фактом неуклонно возрастающей его роли в решении европейских проблем. Миролюбивая политика Советского Союза и активная борьба Советского правительства за сохранение мира отвечали интересам и Чехословакии, и Румынии, стремившихся отстоять целостность своих границ перед лицом агрессивных устремлений реваншистских сил. Отражая это положение, близкая к правительству чехословацкая газета «Lidove noviny» писала: «Сейчас, благодаря поддержке Франции на западе и дружбе с СССР на востоке, создается возможность полной международной гарантии независимости нашей республики»⁶². Руководствуясь этими же соображениями, реакционная румынская газета «Universul», учитывая одобрение совершившегося события румынской общественностью, писала в те дни, что установление дипломатических отношений между Румынией и СССР надо считать «самым примечательным международным событием для нашей страны»⁶³.

В сближении народов СССР и Румынии, в укреплении их политических и культурных связей важную роль сыграла деятельность Румынской компартии, многочисленных демократических организаций страны, негласно руководимых коммунистами⁶⁴. Но в Румынии не было недостатка и в выступлениях, направленных против установления отношений с СССР. Особенно отличались органы печати фашистского и профашистского толка «Araѓага naională», «Раза» и др. Акт 9 июня подвергся яростным атакам и с трибуны парламента. Крайне правые депутаты А. Куза и Г. Братиану в своих выступлениях осудили шаги Титулеску в

⁵⁹ «Известия». 10.VI.1934.

⁶⁰ «Pravó lidu», 12.VI.1934.

⁶¹ «Universul», 12.VI.1934.

⁶² «Lidove noviny», 10.VI.1934.

⁶³ «Unjversul», 12.VI.1934.

⁶⁴ «Documente din istoria partidului comunist din România» (далее — DPCR). Vol. IV (1934—1937). Bucureşti. 1957, doc. 14; «Ecoul», 1.VII.1934.

Женева, сделанные без консультации с законодательным органом, объявили их противоречащими «национальным» интересам, поскольку, как они заявляли, соглашением с Литвиновым не были решены в пользу Румынии территориальные и другие спорные вопросы⁶⁵.

Установление дипломатических отношений СССР с Румынией и Чехословакией получило положительное освещение на страницах печати и в других странах мира. Французская газета «Oeuvrge», например, писала: «Если бросить взгляд на истекшие 11 месяцев со дня подписания Лондонского пакта об агрессоре, то мы увидим, что СССР все это время одерживал победы»⁶⁶. Как предпосылку укрепления мира в Европе и уменьшения опасности войны рассматривала женевские соглашения официальная «Gazeta Polska»⁶⁷. «The New York Times», касаясь этих же соглашений, подчеркивала, что они могут стать прологом к заключению системы пактов о взаимопомощи в Европе⁶⁸. Таким образом, победа советской дипломатии имела огромное международное значение. Она с новой силой показала банкротство антисоветской политики правящих кругов Румынии и Чехословакии.

Процесс нормализации отношений Советского государства с Венгрией, Румынией и Чехословакией, рост авторитета СССР в Европе и во всем мире не могли не повлиять на изменение внешнеполитической позиции стран Балканского полуострова — Болгарии и Албании.

Советское правительство, стремясь восстановить давнишнюю и традиционную дружбу русского и болгарского народов, в послеоктябрьский период неоднократно обращалось к правительству Болгарии с предложением нормализовать отношения. В 1932 г. Болгарии, с которой у Советского Союза практически не было никаких спорных вопросов по государственной линии, было предложено обменяться дипломатическими представителями, заключить торговое соглашение, в 1933 г. она приглашалась подписать Лондонскую конвенцию об определении агрессора⁶⁹. К нормализации советско-болгарских отношений искренне стремились и широкие круги болгарских трудящихся. Об этом свидетельствовали создание в 1932 г. общества «Союз друзей СССР», массовые митинги и собрания трудящихся с требованием установить болгаро-советские дипломатические отношения, всенародное избрание 2 000 делегатов для поездки в СССР с целью ознакомления с жизнью и успехами советских народов⁷⁰. Но растущий подъем рабочего движения и выступлений прогрессивной интеллигенции в защиту СССР и его миролюбивой политики наталкивался на террор со стороны фашистского правительства Болгарии. Он вызывал страх и тревогу в руководящих кругах Болгарии, продолжавших поддерживать тесные отношения с империалистической Германией.

К нормализации, к налаживанию торговых отношений с Советским Союзом стремилась и часть болгарской буржуазии. Делегация промышленников и коммерсантов, посетившая в 1932 г. СССР и имевшая немало встреч с советскими руководителями, по возвращении на родину внесла в правительство конкретные предложения о налаживании отношений, заключении выгодных для Болгарии торговых сделок с СССР. Но и эти предложения были отвергнуты правительством и реакционным большинством буржуазных политиков в парламенте⁷¹. Давая оценку действиям болгарской реакции, направленным на срыв

⁶⁵ «Monitorul oficial», partea III, 1934, № 6, pp. 119—120.

⁶⁶ Цит. по: «Правда», 12.VI.1934.

⁶⁷ См. «Правда», 11.VI.1934.

⁶⁸ «The New York Times», 10.IV.1934.

⁶⁹ «История Болгарии». Т. II, стр. 203.

⁷⁰ «Ново време», 1955, № 4, стр. 89.

⁷¹ В. Хаджиниколов. Отношения между България и Съветския Съюз след Октомврийската революция до нормализирането им през 1934. «Исторически преглед», 1954, кн.4, стр. 41.

миролюбивых усилий Советского государства, «Земедельско знаме» — орган Болгарского земледельческого народного союза — в феврале 1934 г. писала: «Преступно своевременно не оценить большого значения и пользы торговых и дипломатических связей с соседом, который занимает одну шестую всего земного шара, с которым мы имеем столько общего в прошлом, с народом, которому мы так обязаны»⁷². Полезность и выгодность для Софии нормализации отношений с СССР понимали и отдельные дипломатические представители Болгарии. Болгарский посланник в Бухаресте в донесении своему правительству писал, например, что в отношениях с Румынией было бы, несомненно, меньше трудностей, «если бы мы не держались так далеко от Советов»⁷³. Однако и эти соображения, как и выступления трудящихся и отдельных буржуазных политиков в Народном собрании с требованием установления дипломатических отношений с СССР, не поколебали сразу антисоветскую позицию правительства, запугивавшего себя «коммунистической опасностью».

Обстановка изменилась только к лету 1934 года. Женевские соглашения СССР с Румынией и Чехословакией от 9 июня и продолжающееся нарастание недовольства прогрессивной болгарской общественности антисоветской позицией правителей страны принудили последних внести коррективы в свое отношение к Советской стране. 19 июня 1934 г. Болгария выдвинула предложение начать болгаро-советские переговоры⁷⁴. В отличие от румынских и чехословацких правителей, болгарское правительство не выдвигало каких-либо предварительных условий и оговорок. Оно не стремилось также подчеркивать, что, устанавливая дипломатические отношения с СССР, оно делает ему какую-то уступку. Переговоры с Болгарией заняли немногим больше месяца. Советско-болгарские дипломатические отношения были установлены 23 июля 1934 г. путем обмена телеграммами между министром иностранных дел Болгарии Батоловым и Наркомом иностранных дел СССР М. М. Литвиновым⁷⁵. Советский и болгарский народы выразили искреннее удовлетворение восстановлением отношений, прерванных в свое время по вине болгарских правителей, перешедших на службу империалистической политике кайзеровской Германии. Акт установления дипломатических отношений между СССР и Болгарией нашел широкий отклик в советской и болгарской печати. Он помог Болгарии укрепить ее международные позиции и смягчить сильно обострившиеся отношения с Турцией⁷⁶.

Менее чем через два месяца (17 сентября) были установлены советско-албанские дипломатические отношения, которые тоже явились элементом усиления фронта мира и свидетельством роста международного авторитета СССР на Балканах.

Учитывая сложность международной обстановки, Чехословакия, Болгария, Албания после установления с СССР официальных отношений проявили явное стремление ускорить дело с оформлением назначения посланников и организацией своих миссий в Москве. Румынское правительство, однако, и на этот раз заняло особую позицию. Оно не спешило с назначением в Москву посланника, хотя уже на последнем этапе женевских переговоров Титулеску называл конкретную кандидатуру. Обмен посланниками затянулся до начала декабря. Потребовалось пять месяцев, чтобы аккредитовать дипломатических представителей в столицах двух стран. Первый советский полпред в Румынии М. С. Островский

⁷² Цит. по.: там же, стр. 47.

⁷³ Там же.

⁷⁴ ДВП СССР. Т. XVII, док. 207, 213.

⁷⁵ «Известия», 24.VII.1934.

⁷⁶ ДВП СССР. Т. XVII, док. 207.

прибыл в румынскую столицу лишь 2 декабря 1934 года. Обмен посланниками положил начало нормальным дипломатическим отношениям Румынии с Советским Союзом, что, без сомнения, пошло на пользу обоим государствам.

Прогрессивные силы Румынии приветствовали предстоящее прибытие первого советского полпреда. «Приезд посла Советского Союза в Бухарест,— писала «Scinteia»,— явится, с точки зрения Румынии, и в особенности румынского пролетариата, событием исторического значения, которое откроет новые возможности для лучшего взаимопонимания и дружбы между трудящимися СССР и Румынии, которое поможет разрушить стену лжи и клеветы, искусственно возведенную румынской буржуазией между народами Румынии и родиной пролетариата»⁷⁷.

Но румынские правители, подобно чехословацким, не имея, конечно, как и последние, на то никакого основания, считали, что Советский Союз за «любезный» шаг Румынии пойти на нормализацию румыно-советских отношений как бы обязан предоставить ей солидные экономические выгоды. Эта тенденция доминировала при первых же деловых встречах М. Островского с премьер-министром Г. Татареску. Принимая полпреда, румынский премьер 5 декабря заявил, что финансовые и торгово-промышленные круги Румынии питают большие надежды на установление экономических связей с Советским Союзом, рассчитывая этим облегчить кризисное состояние румынской экономики.

Чтобы закамуфлировать провал своей восточной политики, буржуазные деятели стран Центральной и Юго-Восточной Европы, и особенно Румынии и Чехословакии, усиленно распространяли в собственных странах и за рубежом, в официальных и неофициальных беседах с иностранными дипломатами версию о том, будто Советский Союз раньше не стремился к сотрудничеству со странами этого региона⁷⁸. Однако факты, свидетельствующие о последовательной миролюбивой политике Советского государства с момента его рождения, начисто опровергают эти фальсификации. В действительности сотрудничества со Страной Советов не хотели правящие круги Румынии, Чехословакии, Венгрии, Болгарии и Албании. Идя на урегулирование отношений с СССР, они тем самым признавали крах своей антисоветской политики в послеоктябрьский период.

Сдвиги во внешнеполитическом курсе Румынии и Чехословакии, равно как и во внешней политике других стран, произошли под воздействием хода мировых событий и давления народных масс. Это весьма убедительно подчеркивалось в призывах коммунистических партий Румынии⁷⁹ и Чехословакии⁸⁰, посвященных акту 9 июня 1934 г., а также в прогрессивных органах печати этих стран. Лидеры коммунистического движения, прогрессивные политические деятели в своих выступлениях разоблачали антисоветские вылазки чехословацкой и румынской реакции и вскрывали вред для дела мира любых фальсификаций относительно советской внешней политики и ее миролюбивых целей. Нормализации советско-румынских отношений, говорилось, например, в обращении ЦК РКП, избегало же Советское правительство, «а господствующие классы Румынии... именно они были вынуждены изменить свою позицию»⁸¹. Такую же оценку дал К. Готвальд политике чехословацкой буржуазии⁸².

Огромным препятствием для враждебных Советской стране действий реакционных сил стран Восточной и Юго-Восточной Европы яв-

⁷⁷ «Scinteia», 12.XI.1934.

⁷⁸ V. K r a l. Op. cit., str. 33; И. А. Пет е р с. Указ. соч., стр. 338.

⁷⁹ DPCR. Vol. IV, doc. 14.

⁸⁰ «История Чехословакии». Т. III. стр. 246.

⁸¹ DPCR. Vol. IV, doc. 14.

⁸² K. G o t t w a l d. Spisy. sv. V. Praha. 1953, str. 215.

лялся возраставший с каждым днем авторитет СССР, огромный интерес к его развитию со стороны самых широких народных масс. Все это лишний раз подчеркивает, что с установлением официальных отношений между СССР и указанными странами возможности реакционных сил продолжать свой традиционный антисоветский курс в тогдашних условиях значительно сузились. Последовательная борьба СССР против фашистской агрессии, в защиту целостности и независимости малых стран находила горячий отклик среди широких народных масс за рубежом, поднимала международный престиж Страны Советов. Этому же способствовали замечательные успехи социалистического строительства в СССР.

Нормализация отношений со странами Центральной и Юго-Восточной Европы была большой победой миролюбивой политики Советского Союза и поражением реакционных сил не только в этих странах, но и в ведущих европейских державах, определявших политику капиталистического мира в отношении Советского государства. Высокий авторитет Советского Союза на международной арене имел огромное значение в борьбе за отстаивание национальных интересов стран Центральной и Юго-Восточной Европы (особенно Чехословакии, находившейся под прямой угрозой со стороны гитлеровской Германии), для борьбы за мир и европейскую безопасность накануне второй мировой войны.
